

ЗАМЕТКИ О ПОЧВЕННОМ

Песмотря на то что термин «почвенничество» сравнительно давно утвердился в научной литературе и употребление его как будто не вызывает спора, сущность явления, им обозначаемого, остается непроясненной.¹ Цель настоящих заметок, имеющих тезисный характер, — обратить внимание на тот аспект изучения почвенничества, который представляется нам наиболее плодотворным. (Здесь и далее мы говорим о почвенничестве, каким оно представало прежде всего в конце 50-х—начале 60-х гг. XIX в., в период издания «Времени» и «Эпохи»).

Одна из трудностей, встающих перед исследователем, сформулирована еще Достоевским в письме брату от 13 апреля 1864 г.: «Направление наше, конечно, для публики несомненно, по статей-то, специально разрабатывающих направление, мало» (П., I, 365—366). Подобного рода статьи в «Эпохе» до конца ее существования так и не появились; и, в частности, задуманная Достоевским работа о русских историках, в которой, как сообщалось брату 2 апреля 1864 г., «все идеи „Эпохи“ о „почве“ должны быть выражены» (П., I, 354).

В то же время, анализируя немногочисленные программные документы почвенничества, необходимо отдавать отчет в том, что сам их характер в известном смысле противоречил духу этого направления. Дело в том, что уже при своем возникновении почвенничество сознательно отказывалось от сколько-нибудь окончательного разрешения тех вопросов, которые оно обсуждало. Н. Н. Страхов, вспоминая о начальной поре кружка Достоевских—Григорьевых, писал, что Федор Михайлович видел в почвенничестве «совершенно новое, особенное направление, соответствующее той новой жизни, которая видимо начиналась в России, и долженствующее упразднить или превзойти прежние партии западников или славянофилов. Неопределенность самой мысли не пугала его, потому что он твердо надеялся на ее развитие» (курсив мой. — А. О.).²

В этой связи требует уточнения традиционная характеристика, которая дается Страхову. «Мысль о новом направлении, — вспоминал он позднее, — однако же, сперва занимала меня, особенно вследствие влияния Ап. Григорьевых; но очень скоро,

¹ Из последних работ, специально посвященных этой теме, см.: Гурадьник У. А. Достоевский, славянофильство и «почвенничество». — В кн.: Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972, с. 427—461; Андреев И. И. К оценке философско-исторической концепции почвенничества. — В кн.: Актуальные проблемы марксистско-ленинской философии. М., 1973, с. 312—321.

² Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 199.

может быть по своему нерасположению к неопределенности, я воронил, что нужно прямо признавать себя славянофилом...»³ Автор статьи «Достоевский и Страхов» — наиболее капитальной работы на интересующую нас тему — А. С. Долинин приводит данное высказывание, но тем не менее считает Страхова наиболее репрезентативной фигурой по отношению к почвенничеству, поскольку это направление, на взгляд исследователя, могло самовывестись, либо переходя на позицию Герцена, либо солидаризуясь со славянофильством.⁴ Нам же представляется, что нет оснований не доверять Страхову, который говорил о своем почвенничестве (да и то не последовательном) лишь применительно к периоду издания «Времени».⁵ А в 1864—1865 гг. именно его гелертерству принадлежит решающий вклад в славянофилизацию, если можно так выразиться, последнего журнала Достоевского.

Если бы мы даже не знали доподлинно о том, что первый «манифест» почвенничества — «Объявление о подписке на журнал „Время“» (1860) — был написан Ф. М. Достоевским, то сомнения в авторстве все равно вряд ли бы возникли: М. М. Достоевский в ту пору был поглощен организационными заботами, Страхов, как следует из его собственного признания, на подобную роль и не мог претендовать, а Ап. Григорьев, не говоря уже об особенностях его натуры, исключавших всякое выступление в аналогичном жанре, вообще стремился растрепать и так расплывчатую — в социальном плане — мысль почвенничества в «беспредельности».⁶ (В лучшем случае он указывал: «Иной цели, кроме знамени народности в широком смысле, ему <„Время“> и иметь нельзя».⁷

Страхов проинципально заметил о Достоевском: «Он, так сказать, необыкновенно живо чувствовал мысли. Тогда он высказывал ее в различных видах, давал ей иногда очень резкое, образное выражение, хотя и не разъяснял логически, не развертывал ее содержания».⁸ Эта характеристика вызвана как раз «Объявлением о подписке на журнал „Время“». В нем Достоевский декларировал наступление «огромного переворота» в русской жизни: «Этот переворот есть слияние образованности и ее пред-

³ Там же, с. 205.

⁴ См.: Долинин А. С. Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963, с. 317—318.

⁵ См.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, с. 205.

⁶ Григорьев А. Воспоминания. М.—Л., 1930, с. 356. Об этом см.: Осповат А. Л. К изучению почвенничества (Достоевский и Ап. Григорьев). — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 3. Л., 1978, с. 149—150.

⁷ Из письма к Страхову от 21 декабря 1861 г. — В кн.: Григорьев А. Воспоминания, с. 486.

⁸ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, с. 195.

ставителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни...» (18, 35). Именно это «примирение цивилизации с народным началом» (18, 37) и означает обретение русским обществом своей первородной почвы.

В такой — или близкой к ней — формулировке эта мысль варьируется на протяжении всех лет издания «Времени» и «Эпохи». Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (1861) Достоевский писал, что, так как «цивилизация уже совершила у нас весь свой круг», ее посетители обязаны теперь обратиться «к родной почве» (18, 49). Эта мысль по сути дела является главным и единственным постулатом почвенничества в плане общественно-историческом.⁹ Совершенно оригинальным его назвать нельзя: оторванность образованного слоя русской нации от «почвы» еще в 1847 г. констатировал К. С. Аксаков;¹⁰ через пять лет термин «почва» в схожем смысле употребил Е. Н. Эдельсон в статье «Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики».¹¹ Да почвенники и не настаивали на своем приоритете; в заметке «От редакции» («Время», 1861, № 1) говорилось, что мысль о соединении с «почвой» явилась не впервые: «Она давно уже вырвалась наружу и искала заявить себя: и в горячем слове, и в надеждах на будущее, и в охлаждении к обеим старинным партиям, еще так недавно разделявшим всю мыслящую часть нашего общества» (18, 115).

И не так уж неправ был И. С. Аксаков, когда в письме Стрехову от 6 июля 1863 г. заявил, что в почвеннических декларациях не содержался новый взгляд на проблему взаимоотношения народа и общества.¹² Действительно, славянофилы если не впрямую утверждали будущий тезис почвенников, то во всяком случае его подразумевали (см., например, статью Ю. Ф. Самарина «О мнениях „Современника“ исторических и литературных» или, скажем, комедию К. С. Аксакова «Князь Луповицкий»).

Рядовыми же современниками «Время» квалифицировалось как «невывыказанный журнал»,¹³ более прощательное суждение,

⁹ На наш взгляд, несостоятельна попытка представить ключевым в «концепции» почвенничества понятие «культурно-исторический тип», а А. И. Григорьева объявить главным предтечей П. Я. Данлевского (см.: Андреев И. И. К оценке философско-исторической концепции почвенничества, с. 314—320).

¹⁰ Имрек «Аксаков К. С.» Три критические статьи. — В кн.: Московский ученый и литературный сборник на 1847 год. М., 1847, отд. критики, с. 41.

¹¹ См.: Москвитянин, 1852, № 6, отд. III, с. 52.

¹² См.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, с. 256—257.

¹³ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. Л., 1934, с. 332.

впрочем, высказано в письме А. С. Суворина к М. Ф. Де Пуле от 28 августа 1861 г.: «А у „Времени“, по крайности, инстинкты пробуждаются, хоть оно не в состоянии еще формулировать своих убеждений, потому что их не выработано еще».¹⁴ Высказывание Суворина вполне корреспондирует с отмеченной Достоевским «неопределенностью мысли», находящейся в «развитии» (см. выше; ср. также запись Достоевского 1862 г., в которой подчеркнуто: на вопрос о конкретных путях воссоединения общества с народом «мы не можем отвечать ясно и точно, отчасти уже и потому, что вопрос этот до того громаден, что мы не берем на себя его разрешение»¹⁵). А с другой стороны, Григорьев постоянно упрекал орган своих единомышленников в несамоостоятельности, имея в виду педонустимую, на его взгляд, оглядку журнала на измещившую общественно-литературную коптюптуру тех лет.¹⁶

Как бы подводя итог изданию «Времени», Достоевский писал брату 19 ноября 1863 г.: «... наш журнал <...> был все время до крайности наивен и, черт знает, может быть, и лезл наивностью и верой» (II, I, 340). Эта характеристика (прямо перекликающаяся с представленным об идеале у Григорьева: «он только вера, вера в жизнь и в народ»¹⁷) не исчерпывает, однако, всего реального содержания почвенничества.

Показательно для почвеннического направления само *предощущение* будущего, упование на него (ср. выше аналогичные выражения Достоевского), но главное в почвенничестве — решительное выдвижение на первый план факторов культурного порядка. В статье «Роковой вопрос» Страховым, так сказать на пике этого почвенничества, была — пусть и не так внятно — высказана идея, которую впервые формулировал Достоевский. Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (1861) он писал, «что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой всё сойдется и примирится, — это всеобщее духовное примирение...» (18, 50). И Достоевскому известен тот утикум русской культуры, который воплощает «всеобщее духовное примирение». — «Да, — заключает он во «Введении», — мы именно видим в Пушкине подтверждение всей нашей мысли. Значение его в русском развитии глубоко знаменательно. Для всех русских он явное уяснение, во всей художественной полноте, что такое дух русский, куда стремятся все его силы и какой именно идеал русского человека <...> Мы поняли в нем, что русский идеал — всецелость, всепримиримость, всечеловечность. В явлении Пушкина уясняется нам даже будущая наша деятельность» (18, 69).

¹⁴ Лит. наследство, т. 86, М., 1973, с. 382.

¹⁵ Лит. наследство, т. 83, М., 1971, с. 158.

¹⁶ См.: Григорьев А. Воспоминания, с. 442, 476—477, 485—486.

¹⁷ Там же, с. 356.

Как нам представляется, эти строки дают ключ к истолкованию почвенничества. Уже из сказанного выше явствует, что почвенничество самоосознавалось принципиально иным путем, нежели славянофильство и западничество, в слишком жестком соотношении с которыми оно обычно рассматривается; почвенничество последовательно ориентировалось на самую жизнь в ее течности (а в конце 50—начале 60-х гг. общий сном традиционного уклада ощущался очень остро), и попытки опередить мыслью движение нации почвенники считали бессмысленными и отражающими ничем не подкрепленные амбиции славянофилов и западников — «теоретиков» и «доктринеров» (см. запись Достоевского 1862 г. о нежелании «бездарно стремиться вперед — не зная куда, не с историей, а за теорией»¹⁸). В свете же приведенного высказывания Достоевского становится очевидным, что содержательность почвеннической попытки «превзойти» односторонность славянофильства и западничества может быть раскрыта лишь в том случае, если мы откажемся рассматривать почвенничество как законченную, однозначную идеологическую доктрину, а увидим здесь явление, обращенное к будущему. В русской культуре почвенники находили доказательство того великого предназначения России, осуществление которого виделось им в наступающем и будущем периодах ее истории. Явление Пушкина в глазах сотрудников «Времени» и «Эпохи» было в этом смысле более весомым аргументом, чем сознание религиозной избранности или любые соображения позитивистского толка.¹⁹

Можно сказать, что почвенничество в это время представляло собой новый творческий опыт самосознания русской культуры — на фоне распада двух идеологических структур — западничества и славянофильства, — противостояние которых определяло духовную атмосферу русского общества предшествующих десятилетий.

Культурную основу своего направления почвенники сознавали вполне отчетливо. Страхов писал Достоевскому в середине марта 1868 г.: «Для меня необыкновенно дороги честь и значение *нашего литературного кружка*»;²⁰ еще позже он утверждал, что «никакие другие кружки не были больше преданы литературе».²¹ И не случайно, конечно, Достоевский (в цитированном

¹⁸ Лит. наследство, т. 83, с. 158.

¹⁹ Не рассматривая здесь вопрос о дальнейшей идейной эволюции Достоевского, отметим лишь, что в период создания «Бесов», он склонялся к близкому славянофильству толкованию роли русского православия (см.: 11, 187 и др.; любопытно, что неприятие славянофильства при этом сохранялось — см.: 11, 186), а в «Пушкинской речи» слова проявилось собственное почвенническое воззрение.

²⁰ Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.—Л., 1940, с. 259.

²¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, с. 313.

письме от 13 апреля 1864 г.) настойчиво советовал брату (комплектовавшему очередную книжку «Эпохи»): «Похлопочи только о критике, главное о критике» (П., I, 365). Напомним также статью М. М. Достоевского о «Грозе» Островского — первую, по мнению Г. М. Фридендера,²² декларацию почвенничества; уже в ней содержалась весьма примечательная оценка: «Г-н Островский в своих сочинениях не славянофил и не западник, а просто художник, глубокий знаток русской жизни и русского сердца».²³

И почвенники имели все основания гордиться тем, что, акцентируя внимание на культурно-историческом аспекте традиционной проблемы о назначении России, они первыми осмыслили явление Пушкина в его подлинном масштабе. «На пушкинском торжестве, — заявлял Страхов о празднике 1880 г., ознаменовавшихся речью Достоевского, — должна была одержать верх та партия, которая во все продолжение последних тридцати лет питала и исповедывала поклонение Пушкину...»;²⁴ здесь очевидна мысль о непрерывности почвенничества вплоть до смерти Достоевского, но, может быть, еще важнее суждение о том, что истоки почвеннического восприятия Пушкина можно проследить с начала 50-х гг. Страхов имеет в виду, конечно, выступление Григорьева, начиная с периода «молодой редакции „Москвитянина“».

Те характеристики Пушкина, которые содержались у Григорьева (см., например: «Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности <...> полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей сущности...»²⁵), безусловно оказали влияние на заключительные строки «Введения» к «Ряду статей о русской литературе». Достоевский лишь укрупнил масштаб, придал русскому поэту всемирное, «всечеловеческое» значение и одновременно увидел в нем первого «почвенника», что также в известном смысле было развитием идей Григорьева. Очень существенным обстоятельством явилось и то, что своей интерпретацией Пушкина почвенники, как им казалось, могли наглядно «превзойти» и славянофилов, и западников (на пристальный взгляд Достоевского и Григорьева, обе партии — в силу разных причин — равно недооценивали поэта).

²² См.: Фридендер Г. М. У истоков «почвенничества». (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч»). — Изв. АН СССР (серия лит-ры и языка), 1971, т. XXX, вып. 5, с. 400—410.

²³ Светоч, 1860, № 3, Критическое обозрение, с. 5.

²⁴ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского, с. 313.

²⁵ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967, с. 166.